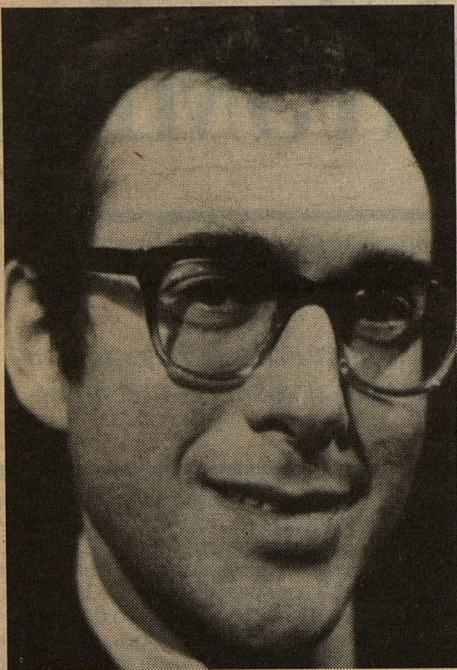

Экран и сцена -
1999 - сент. окт. (-35-36) -
с. 11

Англичанин Гарольд Пинтер — один из немногих живых классиков драматургии XX столетия. За полвека творческого пути актера и драматурга Пинтер создал более сорока пьес, а некоторые его киносценарии, такие, как "Меморандум Квиллера", "Посредник",

Театральные миниатюры Гарольда Пинтера

"Женищина французского лейтенанта", "Последний магнат", хорошо известны и нашему зрителю. С пьесами сложнее. Пожалуй, лишь малопонятный, но трактуемый в духе психологического театра "Сторож" — более или менее частый гость на наших подмостках. Остальное же попадает к нам случайно и ненадолго. Что делать — не жалуют на Руси абсурдистов, а Пинтер, хотя и имеет свой собственный ни на кого не похожий почерк, к ним все же, очевидно, принадлежит.

Непонятен... Но зададимся странным, на первый взгляд, вопросом: а должна ли пьеса обязательно быть кристально ясной, должны ли в ней непременно быть расставлены все точки над всеми? Когда-то мы напрочь отвергали абстрактную живопись — теперь

все же допускаем ее право на существование наряду с понятными полотнами реалистов. Пинтер действительно считает, что современная драматургия должна отличаться от всех остальных видов литературы: и фабулы в аристотелевском ее понимании в ней может и не быть, и действие может стоять, и герои могут быть очерчены лишь в самых общих штрихах. Внимание драматурга чаще всего сосредоточено не на том **что**, а на том **как**: как говорят персонажи для него зачастую важнее, чем что они говорят. Недоговоренность, полумек, многозначность, аллюзия, ассоциация, игра слов, казалось бы, никакой нагрузки не несущих, — вот некоторые особенности пинтеровского письма.

В предлагаемых сегодня читателям «ЭС» миниатюрах (до сих пор нигде не опубликованных) это **как** не менее важно, чем **что**. В скетче "Миропорядок" мы, очевидно (это наречие вместе с "возможно" и "вероятно", говоря о Пинтере, никогда не следует опускать), имеем дело с двумя "благодетелями рода человеческого", очищающими мир для демократии, и их жертвой. Скетч напоминает роман Олдоса Хаксли "Прекрасный новый мир", где также ведется переделка человека. В миниатюре "Точно" ее герои А и Б напоминают советских историков, в угоду власти предрекающих занижающих число погибших в войне.

Впрочем, вряд ли Пинтер имел в виду СССР — обычно он рисует универсальные ситуации. А вот с языком он работает виртуозно: пьеса построена на двусмысленностях, их в его драматургии полным полно. По-моему, драматург давно уже ждет умного и тонкого российского режиссера, который, "продравшись сквозь туман", покажет бы нам наконец неповторимое обаяние пинтеровских пьес.

скетч

Мужчина с завязанными глазами сидит на стуле. Двое других мужчин, Дес и Лайонел, на него смотрят.

ДЕС. Ты хочешь что-нибудь узнать об этом мужчине?
ЛАЙОНЕЛ. Что?
ДЕС. У него ведь нет никакого представления о том, что мы с ним сделаем.
ЛАЙОНЕЛ. Никакого.
ДЕС. И вправду никакого. Совершенно никакого обо всем, что мы можем с ним сделать.
ЛАЙОНЕЛ. Что мы с ним сделаем.
ДЕС. Что мы сделаем. (Пауза.) Ну, по крайней мере, что-нибудь. Что-нибудь сделаем.
ЛАЙОНЕЛ. А когда-нибудь сделаем все.
ДЕС. Это может привести к обратному результату.
ЛАЙОНЕЛ. Ни хрена.

Они внимательно смотрят на мужчину. Он сохраняет спокойствие.

ДЕС. Но так или иначе, а он здесь, он здесь сидит и не имеет ни малейшего представления о том, что мы можем с ним сделать.

ЛАЙОНЕЛ. Ну, малейшее, может, и имеет.
ДЕС. Маленькое да, возможно. (Склоняется над мужчиной.) Правда? Что вы говорите? (Выпрямляется.) Давай-ка разберемся. Небольшое представление о том, что мы можем с ним сделать, о том, что мы действительно собираемся с ним сделать, он имеет.

ЛАЙОНЕЛ. С ним или с его женой. Не забывай о его жене. Небольшое представление о том, что мы собираемся сделать с его женой, он имеет.

ДЕС. Ну, вероятно, некоторое представление он имеет, некоторое, вероятно, имеет. В конце концов читает же он газеты.

ЛАЙОНЕЛ. Какие газеты?

Пауза.

ДЕС. Здесь ты прав.

ЛАЙОНЕЛ. Что это в конце концов за хреновина! Он кто, какой-нибудь крестьянин или лектор по теологии?

ДЕС. Он и правда лектор по этой чертовой крестьянской теологии.

ЛАЙОНЕЛ. Правда? А его жена?
ДЕС. У женщин склонности к теологии не бывает.
ЛАЙОНЕЛ. О, я не знаю. Я привык обсуждать эти вопросы со своей матерью — и довольно часто.
ДЕС. Какие вопросы?
ЛАЙОНЕЛ. Ну, ты знаешь, тяготение женщины к теологии.

Пауза.

ДЕС. И что она сказала?
ЛАЙОНЕЛ. Она сказала...
ДЕС. Что?

Пауза.

ЛАЙОНЕЛ. Не могу вспомнить. (Поворачивается к мужчине на стуле.) Хреносос.
ДЕС. Свинотрах.

Ходят вокруг стула.

ЛАЙОНЕЛ. Знаешь, что меня разочаровывает?
ДЕС. Что?
ЛАЙОНЕЛ. Уровень невежества, который нас окружает. Я имею в виду этого хрена здесь.
ДЕС. В прошлый раз ты сказал, что он — хреновина.
ЛАЙОНЕЛ. Что?

ДЕС. В прошлый раз ты назвал его хреновиной, а теперь называешь его хреном. Сколько же раз тебе говорить! Пора бы научиться определять род. Нельзя одновременно называть его и хреновиной, и хреном. Род же диаметрально противоположный. Готов поспорить, что в любой дискуссии по лингвистике ты будешь иметь бледный вид.

ЛАЙОНЕЛ. О Господи! Неужели?
ДЕС. Безусловно. А ведь знаешь, что это для тебя значит. Знаешь, что значит для тебя язык.

ЛАЙОНЕЛ. Да, знаю.

ДЕС. Да, должен знать. Взгляни, например, сюда, на

этого человека. Это первоклассный пример. Понимаешь, о чем я? До прихода сюда он был такой говорун, рот просто не закрывался, никогда не переставал говорить все, что давно уже сказано. А сейчас, когда он догадывается о том, что с ним случится, он перестал это делать, ему больше нечего сказать. Он считает, что результат более или менее налицо. То есть когда-то, не так уж и давно, это был человек убеждений, человек принципов. А теперь это просто хрен.

ЛАЙОНЕЛ. Или хренотень.

ДЕС. А мы ведь еще не кончили с ним. И даже не начинали.

ЛАЙОНЕЛ. Да, мы еще не кончили с ним. Мы еще не кончили с ним! И даже не начинали.

ДЕС. И сюда все еще должна прийти его жена.

ЛАЙОНЕЛ. Это правда. А ведь мы еще не кончили с ним. И даже не начинали. И с его женой не кончили тоже.

ДЕС. И даже не начинали. (Лайонел закрывает лицо руками — он рыдает.) О чем ты плачешь?

ЛАЙОНЕЛ. Мне это нравится. Мне это нравится. Мне это нравится. (Обнимает Деса за плечи.) Послушай. Я должен тебе сказать. Надо тебе сказать. Ведь больше мне некому сказать.

ДЕС. Хорошо. Прекрасно. Продолжай. Ты о чем? Скажи мне.

Пауза.

ЛАЙОНЕЛ. Я ощущаю себя таким чистым.

Пауза.

ДЕС. Ну, ты прав. Ты имеешь право чувствовать себя чистым. А знаешь почему?

ЛАЙОНЕЛ. Почему?

ДЕС. Потому что ты очищаешь мир для демократии. (Смотрят друг другу в глаза.) Сейчас я пожму тебе руку. (Дес пожимает Лайонелу руку. Потом большим пальцем указывает на мужчину на стуле.) А он таким будет... (Смотрит на часы) минут через тридцать пять.

Точно

Двое мужчин сидят за столиком с напитками. Молчание.

А. То есть, мы повторяем ее снова и снова, не так ли?

Б. Конечно, повторяем.

А. Снова и снова. Двадцать миллионов. Это то, что мы утверждаем. Снова и снова. Эта цифра подтверждается фактами. Мы сделали нашу домашнюю работу. Двадцать миллионов — это факт. Когда эти люди говорят "тридцать", я скажу

тебе, чем они занимаются — они искажают факты.

Б. Клевета.

А. Именно. Я хочу спросить, как, черт возьми, они могут это знать?

Б. Действительно.

А. А у нас это аргументировано.

Б. Действительно.

А. За это нам и платят.

Б. И платят очень прилично.

А. Именно. Хорошие деньги за хорошие мозги. (Пьет.) Тридцать миллионов. Я хочу сказать...

Б. Именно.

А. Я сейчас тебе открою: ни я, ни те, кто надо мной, больше это терпеть не собираются. Эти люди, Роджер, эти люди активно и умышленно обманывают массы. Понял, о чем я?

Б. Я бы этих ублюдков поставил к стенке и расстрелял.

А. В настоящее время уже существует комитет, который это будет обсуждать.

Б. Действительно? Здорово. (Пьет.) А правда... я слышал, они говорят о сорока миллионах.

А. Что?

Б. А один или двое из них... пошли даже дальше.

А. Что ты имеешь в виду?

Б. Ну, знаешь... пятьдесят... шестьдесят... семьдесят.

А. Но это же почти все население!

Б. Знаю.

А. Ну, я обалдеваю.

Б. Дико наглый парень, а?

А. Мягко сказано, Роджер.

Б. Несомненно.

А. Хочешь знать, что я буду им рекомендовать в отношении этих людей?

Б. Что?

А. Я буду рекомендовать их повесить, утопить и четвертовать. Хочу увидеть, какого цвета их кишки.

Б. Такого же, как и красный флаг, старик.

А. Действительно. (Пьет.) Знаешь, почему это дело вдвойне противно: потому что граждане этой страны с нами. Если мы говорим двадцать — они готовы нам поверить. И они совершенно счастливы! А чего им ждать от этих ублюдков? Очередных попыток подорвать или ослабить их безопасность. И их веру.

Б. пьет и смотрит на А.

Б. Дай мне еще два, Стивен.
А (смотря на Б). Еще два?

Б. Еще два миллиона. И я куплю тебе еще одно питье. Еще два за еще одно.

А (медленно). Нет, нет, Роджер. Запомни: двадцать миллионов. Намертво.

Б. Хочешь сказать, точно?

А. Я сказал, намертво. Точно. (Пауза.) Хочу, чтобы ты согласился с этой цифрой. (Пауза.) Согласился с цифрой.

Они смотрят друг на друга.

Б. Запомнил — двадцать миллионов. Намертво. Точно?

А. Точно.

Перевел с английского Виктор ДЕНИСОВ